

Ветераны революции о Шаляпине

Ираклий
АНДРОНИКОВ

НЕ ТАК ДАВНО в ответ на радиопередачу, в которой я огласил неопубликованное письмо Ф. И. Шаляпина к А. М. Горькому, пришел пакет из Ленинграда. Пришел его Николай Павлович Ядров, бывший матрос легендарного крейсера «Варяг», участник штурма Зимнего дворца в октябре 1917 года, член Военного отдела Народного комиссариата по морским делам, прослуживший на флоте около полувека, ныне — персональный пенсионер. Тов. Ядров сообщал, что в молодости ему посчастливилось не только слышать Федора Ивановича Шаляпина, но и встречаться с ним.

В дореволюционную пору дирекция Марининского театра в Петербурге часто исполняла в качестве статистов матросов Гвардейского экипажа. В число этих статистов попал и матрос Ядров. Благодаря этому в продолжение нескольких лет он имел возможность постоянно слушать лучших русских певцов, в том числе и Шаляпина.

К своему письму Н. П. Ядров приложил несколько страничек воспоминаний. Написаны они очень просто и непринужденно. И для нас интересен в них не только тот, о ком они рассказывают, интересен и тот, кто писал их, — не директор театра, не сослуживец-артист, не литератор, не личный враг, и не личный друг Шаляпина, а рядовой человек, скромный участник оперного спектакля, восторженный почитатель великого певца.

Мы часто читаем: «Рабочая аудитория любила Шаляпина...», «Искусство Шаляпина было доступно...». Но почти всегда это пишут критики и биографы, историки театра, люди искусства. Здесь мы видим великого певца глазами молодого матроса, и глаза эти смотрят на сцену не из театрального зала, а из-за кулис. Мы видим Шаляпина в моменты творчества — на сцене и в артистической. Видим его перед бойцами, уходящими на фронты гражданской войны...

Воспоминания Н. П. Ядрова вносят достоверные и живые подробности в мемуарную литературу о Шаляпине.

В рассказе старого моряка мы улавливаем тот восторг, тот сердечный трепет, который вызывали игра и пение Шаляпина. И хочется сказать спасибо товарищу Ядрову за то, что он написал эти странички и разрешил опубликовать их.

Н. П. Ядров пишет:

«В минувшие годы, до революции, Марининский театр в Петербурге по договоренности с Гвардейским экипажем, в зависимости от того, какая идет опера или балет, требовал на каждый день столько-то матросов-статистов. Нас, матросов, строем водил в театр унтер-офицер Ермаков, который хорошо был знаком с театральной жизнью.

Начиная с 1912 года, я постоянно бывал статистом. За каждый выход на сцену нам платили 25 копеек, а с 1915 года прибавили — стали платить 50. В то время для нас эти деньги были большие, так как матрос получал жалованья всего 87 с половиной копеек в месяц.

Много интересных артистов удалось мне видеть и слышать в те времена: Собинова, Андреева, Смирнову, Каракаша, Тартакова, Збруеву. Но особенно запечатлелся в моей памяти облик Федора Ивановича Шаляпина. Мне посчастливилось видеть его в операх «Русалка», «Иван Сусанин», «Фауст», «Хованщина», «Севильский цирюльник», «Юдифь», «Князь Игорь», «Борис Годунов» и других.

Когда выступал Шаляпин, билет достать было трудно. Длинная очередь толпилась в морозные дни около Марининского театра, двигалась медленно, но все же люди стремились купить билет в кассе...

Перед кулисами Федор Иванович садился в кресло и громко пробовал свой голос, а мы, статисты, во все глаза глядели на него...

Сидит он в кресле — такой величественный царь Борис Годунов — в парчовом одеянии, усыпанном разноцветными камнями.

Величественна была и осанка Шаляпина, когда, стоя на паперти Успенского собора, исполнял он знаменитый монолог «Скорбит душа». А мы, матросы, в это время стояли, переодетые стрельцами, сов-

сем недалеко от него. В другой картине — в царском тереме, исполняя монолог «Достиг я высшей власти. Шестой уж год я царствую спокойно...» Шаляпин умел так спеть это слово «спокойно», что мурашки по спине бегали.

В опере «Борис Годунов» Шаляпин совершенно преобразился и ставил забыть, что перед тобой артист, а не сам царь Борис. Когда он произносил «Чур, чур, дитя!.. Не я твой лиходея!..», я тоже невольно ощущал неодолимый ужас и не мог не смотреть в тот угол, куда Шаляпин устремлял свой взгляд, как-то по-особенному вперив его в одну точку. Голосом, полным дрожи, он говорил: «Что это там... в углу?». Так велика была сила актерского дарования Шаляпина, что впечатление это не изгладилось из моей памяти до сих пор.

До чего же он был хорош! Как любила его публика! Гром аплодисментов после каждой картины. Он раз два-три выйдет, а его все вызывают. Но у него на переодевания и грим уходило немало времени, и выходить в перерывах кланяться он не любил.

Гримировался он сам. В это время я всегда старался уловить момент — поговорить с ним. Приятно было говорить с ним. Душа у него была русская!

После спектакля народ долго не расходился... Оперу «Борис Годунов» мне удалось видеть раз десять. И всегда с участием Шаляпина...

Шаляпин носил звание «солиста его величества», а мы, матросы, до революции назывались «нижними чинами». Иначе сказать, нас считали людьми низшего сорта. В Кронштадте у входа в сад и в Летнем саду в Петербурге, да и в других садах были надписи: «Строго воспрещается вход нижним чинам и собакам». Нижним чинам не разрешалось ходить по правой стороне Невского проспекта. Но Шаляпин был всегда прост с нами и сердечен: поговорит с тобой, пошутит, как с равным...

В конце 1917 года Шаляпин выступал в Марининском театре в концерте для фронтовиков. Солдаты и матросы сидели в театре в полушубках и валенках, внимательно слушали Шаляпина. В зале было холодно. В то время в Петрограде был топливный кризис...

В 1918 году я был членом Военного отдела Народного комиссариата по морским делам. Мы располагались в бывшем здании Гвардейского экипажа. Тут из матросов формировались экспедиционные отряды. К нам часто приходили артисты Марининского театра. Шаляпин своим исполнением песен умел поднимать настроение, умел воодушевлять уходивших на фронт моряков...

В конце того же 1918 года Шаляпин выступал для матросов в Марининском театре. Он был в подпоясанной шнуром голубой рубашке и высоких сапогах. Запел «Дубинушку» — и всех заставил петь. По его знаку весь зал подхватил: «Эх, дубинушка, ухнем!». После концерта весь театр гремел — мы благодарили Федора Ивановича за то, что он пел для нас. Было торжественно!

Но случилось, что Шаляпин ставил нас, членов Военного отдела, в трудное положение: полпуда муки один раз запросил! По тем-то временам! Нам пришлось посоветоваться, дать ли столько. Но после его концерта решили дать.

В двадцатых годах я служил на Гидроавиационной базе Балтфлота. Наш отряд был расквартирован на Каменноостровском проспекте, а за углом был дом Шаляпина. Многие матросы нашего отряда ходили к нему на квартиру, и он с ними охотно беседовал на разные темы.

В последний раз я встретился с Шаляпиным весной 1921 или 1922 года, сейчас трудно вспомнить. Мы ехали на грузовике по служебным делам по Каменноостровскому проспекту. У нас были бочки из-под бензина. Видим — на проспекте стоит Федор Иванович в сером костюме, с тросточкой, на руке пальто. И машет нам тросточкой: «Моржки, вы куда едете?». Мы отвечаем ему:

«На Гутуевский остров». Он просит, чтобы мы взяли его на грузовик, — в Петрограде с транспортом было плохо. Так мы, стоя в кузове, и ехали с Шаляпиным. Он сказал нам, что ему надо в портную таможню, что он уезжает на гастроль за границу... Больше мне с ним не суждено было свидеться».

Так заканчиваются воспоминания бывшего матроса Балтийского флота Николая Павловича Ядрова, члена КПСС с 1924 года.

Знакомство с ним привело к тому, что в моих руках оказался еще один документ о Ф. И. Шаляпине. Н. П. Ядров заочно познакомил меня с близким своим другом — моряком А. Е. Воробьевым.

Александр Ефимович Воробьев — старый большевик. В начале девятисотых годов он работал в Нижнем-Новгороде вместе с Я. М. Свердловым. Потом служил в Балтфлоте. В октябре 1917-го вместе с Ядровым штурмовал Зимний, был начальником караула в Смольном у В. И. Ленина, потом первым комиссаром Балтфлота. Много энергии отдал А. Е. Воробьев организации экспедиционных отрядов морской пехоты, уходивших на фронты гражданской войны. Ныне он персональный пенсионер, живет в Ленинграде.

В письме А. Е. Воробьева содержатся важные сведения о помощи, которую Ф. И. Шаляпин оказал подпольной организации нижегородских большевиков. Вот что рассказывает Александр Ефимович:

«Помнится, это было в 1901 или 1902 году. Федор Иванович Шаляпин пел на Нижегородской ярмарке, в Ярмарочном театре. Я работал в ту пору на Сормовском заводе, был профессиональным революционером.

Нам была необходима денежная помощь на покупку печатного агрегата. Яков Михайлович Свердлов, Иван Чугурин (работавший впоследствии в большевистском подполье на Урале) и я поехали к Алексею Максимовичу Горькому, чтобы посоветоваться. А. М. Горький очень сочувственно отнесся к нашей идее и поехал с нами на ярмарку, в оперный театр, к Федору Ивановичу Шаляпину...

— А это не опасно? — спросил Шаляпин. — Ведь вы рискуете многим!

Алексей Максимович ответил ему, что мы — народ опытный.

Шаляпин сказал Алексею Максимовичу, что даст ответ на следующий день, а нас пригласил в оперу, принес три контрамарки.

В этот вечер я впервые услышал Шаляпина. Это был настоящий дьявол!..

Через три дня Я. М. Свердлов сообщил, что деньги получены. Агрегат был куплен, и вскоре подпольная типография заработала.

В 1918 году, когда я был первым комиссаром личного состава Военно-морского Балтийского флота, Я. М. Свердлов вызвал меня в Смольный и спросил:

— Чем может ваш флот помочь железнодорожникам Украины?

Я подумал и ответил, что мы можем устроить в Летнем саду концерт с участием Шаляпина...

Чудесно пел Шаляпин! Было так тихо, что его прекрасный голос был ясно слышен и публике, которая не смогла попасть в сад, а стояла за решеткой и слушала наш флотский концерт. Помню, сбор был колоссальный для того времени. После концерта стали думать, как отблагодарить артистов. Решено было преподнести им армейские пайки.

В дальнейшем мы не раз приглашали Шаляпина в Морской корпус и в Гвардейский экипаж. Эти выступления Шаляпина долго, долго вспоминали потом военные моряки. Великий артист шел в народную массу без гордости и занаята. Вот почему мы в те суровые годы с особым удовольствием слушали, как Шаляпин пел «Есть на Волге утес» или «Дубинушку».

И нам, ветеранам, хочется, чтобы память о народном русском певце была сохранена для будущих поколений.

Это письмо, так же как и воспоминания Н. П. Ядрова, еще раз и очень авторитетно подтверждает силу шаляпинского искусства, свидетельствует о том, какое огромное воздействие оказывало пение Шаляпина на людей, совершивших величайшую в мире революцию.